

Тамара Агаркіна

Вацлав Серошевский : письма Винкентию Винкентьевичу Вересаеву

Acta Polono-Ruthenica 6, 305-315

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Tamara Agapkina
(Rosja, Moskwa)

Вацлав Серошевский: письма Викентию Викентьевичу Вересаеву

Интерес к творчеству этих двух писателей в России совершенно очевидно возрос в последнее десятилетие прошлого века. Что касается Вересаева, здесь стали публиковаться его произведения, отсутствовавшие в российской культуре по несколько десятилетий, как, например, роман *Сестры*, восстанавливаются подлинные тексты без цензурных купюр, появляются ранее не известные и т.д. В творческих судьбах этих обоих писателей и незаурядных людей есть немало сходного. Воспользуемся тезисом, сформулированным в отношении В. Вересаева Ю. Фохтом-Бабушкиным, его исследователем, публикатором и во многом открывателем, который применим и к В. Серошевскому: о масштабах их художественного дарования можно спорить, но оба они оставили глубокий след в культуре, их ярко индивидуальное место в ней – несомненно. Тем большую ценность, как представляется, имеют новые факты, связанные с их жизнью и творчеством, которые удастся выявить. О русских контактах Серошевского петербургского периода писали польские и российские исследователи¹; о знакомстве В. Серошевского с В. Вересаевым упоминалось преимущественно в связи с В. Г. Короленко и журналом „Русское богатство”.

---

¹ Z. Barański, *Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku*, Wrocław 1962; T. Szyszko, *Sieroszewski i Korolenko (Z nie opublikowanej korespondencji)*, „Slavia Orientalis”, 1966, nr 1, s. 53–62. Л. И. Ровнякова, *Вацлав Серошевский и его русские корреспонденты (по материалам неопубликованной переписки)*, [w:] *Славянские литературные связи*, Ленинград 1968 и др. См. также: *Вацлав Серошевский*, [w:] И. Л. Курант, *Польская художественная литература в русской и советской печати*, „Библиографический указатель”, т. 4, Москва – Варшава 1995.

Публикуемые письма дополняют новыми деталями биографию и облик Серошевского и высвечивают мало до сих пор известную историю их взаимоотношений с русским писателем. Это интересно тем более, что Серошевский появляется в воспоминаниях Вересаева лишь эпизодически. Их личное общение было, в общем, кратковременным, встречи единичными, однако содержание и характер писем Серошевского красноречиво свидетельствуют о том, что этих людей долгие годы связывали дружеские чувства. Письма – их три – написаны Серошевским собственноручно на русском языке. Они хранятся в Москве в Российском государственном архиве литературы и искусства в личном фонде В. Вересаева – фонд № 1041, опись 4, единица хранения 367.²

Первые письма Серошевского относятся к начальному периоду знакомства с Вересаевым в Петербурге, куда они оба приехали в 1894 году. Здесь в 1896 г. был издан главный научный труд Серошевского *Якуты*, широко прославивший его автора в русской ученой среде.³ В 1894 г. в Петербурге на польском языке вышла повесть писателя *Na kresach lasów* (под псевдонимом Вацлав Сирко), в 1895 г. по-русски были опубликованы сборник *Якутские рассказы* и на страницах народнического журнала „Русское богатство” (1895, пг 6–9) русская версия повести *На краю лесов*, явившаяся для русских литераторов свидетельством того, что Серошевский состоялся как писатель. В тот же год с повестью *Без дороги* дебютирует в „Русском богатстве” (1895, пг 7–8) Вересаев.⁴ Ознакомившись с повестью еще до ее публикации, А. Иванчин-Писарев⁵ пригласил Вересаева бывать на редакционных „четвергах” „Русского богатства” а затем они вместе с В. Г. Короленко предложили

---

² Далее: РГАЛИ, ф., оп., ед. хр., л.

³ В. Л. Серошевский, *Якуты. Опыт этнографического исследования*, под ред. Н. И. Веселовского, С.- Петербург 1896. 2-е издание: *Якуты*, Москва, Ассоциация „Русская политическая энциклопедия” 1993 Издано на средства акционерной компании „Золото Якутии”, Республика Саха. Равно как и книга его избранных сочинений: *Якутские рассказы, повести и воспоминания*, Москва–Якутск 1997.

⁴ В 1894 г. это произведение никому неизвестного автора отказался опубликовать в „Русской мысли” Лавров Вукол Михайлович (1852–1912), известный переводчик польской литературы, журналист, издатель.

⁵ Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849 (1846–?) – 1916) – журналист, мемуарист, деятель революционного движения. С 1892 г. некоторое время участвовал в издании „Русского богатства” и в редакционной работе по отделу беллетристики.

начинающему писателю постоянное сотрудничество в журнале. Впервые, вспоминает Вересаев, он присутствовал на собрании журнала 12 октября 1895 г., возможно, это и был день их знакомства с Серошевским, всегдагдаем редакционных „четвергов”. В своих воспоминаниях (по дневниковым записям конца 1895 г. – февраля 1896 г.) об этих еженедельных встречах, происходивших на Бассейной улице, Вересаев пишет: „Постоянно бывали ближайшие сотрудники [...] Н. Ф. Анненский – жизнерадостный старик с душою юноши⁶ [...], наезжал В. Г. Короленко”; упоминаются также В. В. Лесевич⁷, П. В. Мокиевский⁸, Н. Г. Гарин-Михайловский⁹ и другие.¹⁰ И далее: „Из беллетристов бывали еще по-польски вежливый Вацлав Серошевский, недавно воротившийся из страшной ссылки с «края лесов» на севере Якутской области [...] За длинным столом пили чай с бутербродами, беседовали, серьезных разговоров тут не поднималось, споров не было – веселая болтовня интеллигентных людей, обмен политическими и литературными новостями”.¹¹

Судя по имеющимся фактам, Серошевский и Вересаев довольно быстро сблизились: так, уже 1 декабря 1895 г. они вместе встречались с Ф. Ф. Фидлером, оставив след в его литературном альбоме.¹² Рукой Вересаева запись – „Вполне согласны с предыдущим, в чем и расписываемся. В. Смидович-Вересаев” и под фамилией писателя подпись Серошевского и

---

⁶ Анненский Николай Федорович (1843–1912) – публицист, экономист, общественный деятель. В 1894–1912 гг. – сотрудник журнала.

⁷ Лесевич Виктор Владимирович (1837–1905) – философ, публицист, общественный деятель. В 1888–1898 гг. постоянно сотрудничал с „Русским богатством”.

⁸ Мокиевский Павел Васильевич (1856–1920-е гг., Москва) – врач, философ, публицист, член редколлегии и один из издателей „Русского богатства”.

⁹ Гарин-Михайловский Николай Георгиевич (1852–1906) – прозаик, публицист, инженер-путеец. С 1892 г. фактический издатель „Русского богатства”: журнал был куплен на его средства.

¹⁰ Цит. по: В. В. Вересаев, *Литературные портреты*, Москва 2000, s. 335.

¹¹ В. В. Вересаев, *Литературные портреты*, s. 336.

¹² 1888–1914 гг. в этот альбом записывали свои стихи, воспоминания, отрывки прозы, оставляли автографы и т.д. многие именитые писатели – Н. Лесков, Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Черный и др., публицисты и критики, в том числе сотрудники „Русского богатства”, ученые, издатели, художники. Федор Федорович Фидлер (1859–1917) – переводчик на немецкий язык русской поэзии XIX в. РГАЛИ, ф. 518, оп. 2, ед. хр. 13.

его же рукой проставлена дата; „1 декабря 1895 г.” (автограф Серошевского на русском языке).¹³ Серошевский оставил свой автограф также по-польски – W. Sieroszewski.¹⁴ В письме от 6 января 1896 г. запечатлены интерес Серошевского к родным и близким русского писателя, намечавшееся сближение „домами”, как и то, что их взаимные дружественные отношения были очевидны для общих знакомых по редакции журнала обращавшихся именно к нему с расспросами о Вересаеве. К петербургскому периоду относятся и известные воспоминания Вересаева о совместных возвращениях „вечером из редакции „Русского богатства” с В. Г. Короленко и В. Л. Серошевским”¹⁵ „Гродненское” письмо (от 4 апреля 1896 г.), примечательное свойственным Серошевскому чувством прекрасного и способностью это выразить, его умением – вопреки всему – радоваться жизни: танцы „до упаду” на деревенском балу, любование весенним пробуждением природы, ожидание соловьиных песен, – дополняет также представление об их отношениях с Вересаевым новыми моментами. Отдельные фрагменты письма адресованы Вересаеву-врачу.¹⁶ Ухудшение здоровья Серошевского к весне 1896 г. обеспокоило знавших его людей, очевидно, разумеется, и Вересаева.¹⁷ Серошевский сообщает ему о своем самочувствии деликатно,

---

¹³ Там же, л. 139. На этом же листе выше этой записи и автографов кем-то (авторство не установлено) оставлен такой текст: „Легче написать хорошую повесть, чем сносное изречение для такого сборника”. Под чем они оба и подписались.

¹⁴ Там же. Роспись Серошевского столь же энергичная, как на его фотографии по-польски в личной коллекции Попова Ивана Ивановича (1862–1942) – литератора, общественного деятеля, редактора газеты „Восточное обозрение” в Иркутске – также в годы пребывания там Серошевского. РГАЛИ, ф. 408, оп. 1, ед. хр. 156, л. 55.

¹⁵ Цит. по: В. В. Вересаев, *Литературные портреты*, с. 357. По дневниковой записи от 29 февраля 1896 г.

¹⁶ Врач по образованию и роду своей деятельности, Вересаев по приезде в Петербург осенью 1894 г. был принят сверхштатным, то есть на бесплатную работу, ординатором в Барачную больницу памяти С. П. Боткина (для остроозаразных больных). В помещении больницы Вересаев и жил.

¹⁷ Л. И. Ровнякова приводит в связи с этим обращение Н. И. Веселовского в Русское Географическое общество (от 16 марта 1896 г.) с просьбой оказать материальную поддержку, цитирует она ученого, „неутомимому и бескорыстному труженику”. См.: Л. Ровнякова, *Вацлав Серошевский – исследователь Якутии*, [w:] *Польско-русские литературные связи*, Москва 1970, с. 339.

предельно кратко, как бы неохотно, – огорчаясь от того, что оно „тревожит моих друзей”.

Лаконичное упоминание в этом же письме Серошевского о творческих делах, собственных и своего корреспондента, – показатель того, что в их взаимоотношениях эта тема занимала свое место. О том, что оба эти человека были духовно близки, свидетельствует последнее письмо – от 14 января 1920 г. Ничего конкретного в нем не содержится, но главное очевидно: их общение давало им ощущение душевного комфорта, и через многие годы потребность в этом сохранилась. С чувством огромного уважения и симпатии пишет Серошевский о Вересаеве. Вряд ли можно сомневаться в том, что предметом их долгих бесед и мечтаний (о чем речь идет в письме), «из чего многое свершилось», были проблемы общественно значимые. Несомненно также, что вообще формированию их отношений содействовал общественный склад личности каждого из них. Еще не оправившись от болезни, Серошевский весной 1896 г. намерен отправиться в южные области России поработать, понаблюдать, в том числе посетить „толстовские земледельческие колонии”, и, как напишет он позднее, его вообще „очень интересует Россия”. Общественной обеспокоенностью проникнуто все творчество Вересаева. Первая его повесть *Без дороги*, благодаря которой они познакомились с Серошевским, определила главную тему его творчества – духовные искания русской интеллигенции на разных этапах социально-политического развития России и отразила неустанный поиск автором идейных и моральных ориентиров творчества и поведения. В конкретном случае повесть оказалась вехой в эволюции ее автора – разочарование в народнических идеалах и последовавшие за этим обращение к марксизму, интерес к жизни и революционной борьбе рабочих петербургских окраин, в какой-то степени и участие в ней.

Заметим, однако, что Вересаев никогда не станет профессиональным революционером, в отличие от многих родных и близких ему людей.

Воспоминания Вересаева об идейных брожениях того времени, возникавших также в умах „постоянных сотрудников” „Русского богатства”, интересны упоминанием в этой связи Серошевского. Вересаев коснулся этой темы, описывая встречу нового, 1896, года в редакции журнала: „Было весело и хорошо. [...] Я танцевал кадрили с Мусею, дочкой А. А. Давыдовой, издательницы «Мира Божьего».¹⁸ Заговорили о

---

¹⁸ Давыдова Анна Аркадьевна (1848–1902) – основательница и издательница журнала „Мир Божий” (1892–1902).

марксизме. Я сказал, что я марксист. [...] Подошел беллетрист В. Л. Серошевский. И он, выясняется, всей душой лежит к марксизму”.¹⁹

Что касается встреч Вересаева и Серошевского после его отъезда из России, по крайней мере, одна из них весьма вероятна, но о времени ее судить трудно. Дело в том, что во второй половине 1890-х гг. отношения Вересаева с журналом на почве идейных разногласий усложнились. В 1900 г., забрав из редакционного „портфеля” рукопись своей знаменитой остро полемической книги *Записки врача*, хотя Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко очень хотели напечатать ее в „Русском богатстве”, он порвал с журналом.²⁰

¹⁹ В. В. Вересаев, *Литературные портреты*, с. 342–343.

²⁰ „К сожалению”, добавлял Вересаев, П. Якубовича, который, признавался писатель, „очаровал” его: „Совсем в нем не было того, что так меня отталкивало в других сотrudниках „Русского богатства”, (уточнив – кроме В. Г. Короленко и Й. Ф. Анненского), (В. В. Вересаев, *Литературные портреты*, с. 352), вспоминая позднее о своем разрыве с журналом. Отношения Вересаева с некоторыми сотrudниками „Русского богатства” имеют и свою более позднюю историю. Что касается Якубовича Петра Филипповича (1860–1911 псевдоним Л. Медьшин) – русский поэт, революционер-народоволец, в 1887 г. осужденный по делу Г. А. Лопатина, отбывал каторгу в Сибири, где пробыл до 1895 г. В 1880-е – 1890-е гг. публиковался в „Русском богатстве”; в 1903 г. смог вернуться в Петербург и вошел в редакцию этого журнала. С Вересаевым они были знакомы раньше, возможно, заочно: в 1900 г. они обменялись несколькими письмами. В 1908–1910-е гг., сложные для Серошевского в плане его отношений с „Русским богатством”, П. Якубович высоко оценивал и ратовал за публикацию в журнале повестей *Быть или не быть* и *Ингва*, хотя решающего влияния на это оказать не смог.

Некоторой иллюстрацией этому служат ниже приводимые фрагменты его переписки с Горнфельдом Александром Георгиевичем (1867–1945), он – критик, переводчик, литературовед, в 1904–1918 гг. – член редакции „Русского богатства”. Ни в одном из цитируемых писем Якубович не называет произведений Серошевского, но очевидно, что в 1908 г. речь шла о повести *Быть, или не быть*. Это подтверждается письмом Серошевского к Н. Ф. Анненскому от 10 мая 1908 г.: „Надеюсь недели через три – максимум месяц выслать Вам рукопись”. (Письмо ранее приводилось Т. Шишко. Пользуясь случаем, уточню его выходные данные: РГАЛИ, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 17, л. 1), в котором и приводится название: *To be or to be not*.

И действительно, через месяц Якубович пишет Горнфельду: „Ну, а Серошевский? Тоже умолчите пока? Печатать его мы сможем во всяком случае, не ранее, как с января месяца, (имеется в виду январь 1909 г. – Т. А.), а ведь он

Встретиться в Петербурге, куда Серошевский приезжал в 1902 г., Вересаев не мог, поскольку в апреле 1901 г. за выступление в защиту студентов-демонстрантов на Казанской площади он был уволен из больницы и выслан в Тулу под негласный надзор полиции с запретом на

попросит аванс?" (Письмо от 10/6–1908. – РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хо. 543, л. 58 об.).

Письмо от 15/7–1908: „Читаю Серош(евско)го и точка, на 25 странице... доволен. Только слогов мало, как всегда... но это второе дело. Неужели мы опять разойдемся с Вами? (Там же, л. 75) Письмо от 17/7–1908: „Серош(евско)го все еще не дочитал немного, но повесть эта мне продолжает нравиться, ее сильно портит, конечно, немного русский язык, но ведь и прежде язык Серош(евско)го делался всегда в редакции, так что это второстепенное дело. Под корявой же формой чувствуется здесь сила... И не так уж огромна эта вещь... Во всяком случае... пошлю В(ладимиру) Гал(актионовичу)”. И далее, в этом же письме: „P.S. Серош(евско)го кончил. По-моему сильно и ... своевременно. Пошлю В(ладимиру) Г(алактионовичу)” (Там же, л. 76. Подчеркнуто Якубовичем двумя линиями слово: „сила”).

Письмо от 19/7–1908: „Серош(евско)го я уже отослал В(ладимиру) Г(алактионовичу). Эта вещь, на мой взгляд, и нужна, и интересна, и написана талантливо (варварский рус(ский) яз(ык) пришлось бы нам отделявать”).

Письмо от 6/8–1908: „Серош(евско)го забраковал и Вл(адимир) Гал(актионович), и, хоть с сожалением, я покоряюсь решению... большинства. Думаю, что решающее влияние, особенно на В(адимира) Г(алактионовича) имел невозможный рус(ский) яз(ык) Серош(евско)го, переходящий местами в непонятно риторическое бормотание... (Там же, л. 81).

Искренне сокрушаясь, он в последний раз обращается к обсуждаемой теме в своем письме к Горнфельду от 11/8–1908: „Серош(евско)го, я писал уже Вам, – и Корол(енко) забраковал, и я покорился, хотя и с сожалением” (Там же, л. 82).

Два года спустя Якубович вновь пишет Горнфельду о Серошевском; очевидно, что на этот раз речь идет об *Илгве*: „Зато японский рассказ Серош(евско)го В(ладимир) Г(алактионович) стремится всячески выволить и, под условием больших сокращений и исправлений самим Кор(оленко), я, грешный человек, согласился на это. Но, Бог даст, не согласится на это автор” (Там же, л. 105).

В последнем, как известно, Якубович оказался провидцем: Серошевский не согласился. Т. Шишко цитирует его письмо Короленко, в котором, зная редакторскую особенность последнего, Серошевский отказывается от сделанных ему предложений: „Это не простая редакционная выправка, а полная переработка”, и добавляет: „У меня есть же, поди, литературная совесть! Лучше пусть мой рассказ вовсе не появится!...” (Отточия сделаны автором. Цит. по: Т. Szyszko, op. cit., s. 61).

въезд в столичные города России сроком на два года. Возможная встреча двух писателей в любом случае могла произойти после дальневосточной поездки Серошевского: по воспоминаниям Вересаева, Серошевский «рассказывал» ему о бытовой сценке, которую он наблюдал в Японии».²¹

В отношениях этих двух писателей, как представляется, не без значения были согласно семейным преданиям „польские корни” Вересаева (настоящая фамилия которого, как известно – Смидович). Его отец – Викентий Игнатьевич Смидович был известным врачом и общественным деятелем в Туле (где писатель родился и где жила их семья); ему писатель посвятил свою автобиографическую книгу *В юные годы* (1927). В. Серошевский вероятнее всего был в жизни В. Вересаева первым „живым” польским писателем. Польская литература во времена их встречи в России активно переводилась и издавалась, и „входила” в духовную жизнь широких слоев российской интеллигенции, о чем свидетельствуют также работы польских исследователей, вышеупомянутых и других, и фундаментальные труды Профессора Базыли Бялокозовича, назовем: *Lwa Tolstoja związki z Polską* (1966), *Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku* (1971).

О том, что Вересаев знал польскую литературу, свидетельствует не только широко цитируемая его реплика – „блестящий Плошовский”, но и более ранняя запись в дневнике от 1 августа 1893 г.: в пору увлечения Марией Гермогеновной Смидович – своей будущей женой, он в дневнике записывает пересказ стихотворения А. Мицкевича *Сомнение* (*Nieprzewność*). Естественно предположить, что знакомство с Серошевским стимулировало его интерес к польской литературе. Знал ли он, и насколько, польский язык, неизвестно. Отметим лишь, что в его разрозненных черновых набросках начала 1900-х гг. (до 1907 г.) появляется фамилия – в своего рода польско-французском „сочетании” – Jeromsky и рядом по-польски – рассказ *Silaczka*. В 1930-е гг. Вересаев в своих литературоведческих работах обращается к Мицкевичу и прилагает к одной из них собственные прозаические переводы *Do przyjaciół Moskali* и *Pomnik Piotra Wielkiego*.²²

Возможны более глубинные связи и переклички творчества Вересаева и названных польских писателей, как и других. Пока же можно очевидно утверждать, что он знал творения столь значимых деятелей

²¹ В. В. Вересаев, *Литературные портреты*, с. 406.

²² В. В. Вересаев, *Спутники Пушкина*, изд. 2-е, Москва 1993, с. 235–236.

польской литературы, как Мицкевич, Сенкевич, Жеромский и был дружен с Вацлавом Серошевским.

Его письма русский писатель сохранил в разных житейских передрягах – множественных переездах с места на место, в годы своего участия в качестве военного врача в русско-японской войне, затем в первой мировой войне, в сложные 1930-е годы, когда по его признанию погибали и исчезали родные и близкие люди и т.д. Письма Серошевского публикуются в том виде, как они были им написаны. Исключение – некоторая синтаксическая правка и соответственно современным нормам русского языка модернизирована орфография. Слова, трудные для прочтения (и прочитанные условно), подчеркнуты.

*

6 января 1896 г.²³

Дорогой Викентий Викентьич!

Напоминаю Вам, что мы приглашены к Павлу Васильевичу Мокиевскому²⁴ в понедельник в 9 часов вечера. Я буду ждать вас к 8 и мы вместе отправимся. Кажется, это Вам по дороге. Я очень сожалею, что вечеринка расстроилась и я потерял случай познакомиться с Вашими сестрами и знакомыми.²⁵

Юлия Владимировна Лесевич²⁶ просит, чтобы Вы не отговаривались на занятость. Анненский²⁷ тоже спрашивал, почему Вас никогда не видно и просил зайти чай пить. Пойдем, что ли?

Вацлав Серошевский

---

²³ РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 367, л. 1.

²⁴ См. примечание 8.

²⁵ Что касается сестер Вересаева, вероятнее всего, речь идет о проживавших тогда в Петербурге одной из его родных сестер – Марии Викентьевне Смидович, впоследствии революционерке, члене РСДПР(б); в советский период она некоторое время была народным комиссаром здравоохранения (до своей смерти в 1925 г.), а также о троюродной сестре писателя – Инне Гермогеновне Смидович – профессиональной революционерке, члене РСДПР(б), подменявшей Н. К. Крупскую в качестве секретаря большевистской газеты „Искра” до апреля 1901 г. Обе эти женщины и другие родственники писателя стали прототипами некоторых героев его художественных произведений.

²⁶ Дочь В. В. Лесевича. См. примеч. 7.

²⁷ Речь идет о Николае Федоровиче Анненском. См. примеч. 6.

*

Никольская, 2, квар(тира) 36.

Город Гродно, Центральная гостиница²⁸
господину М. Сулевскому для В. Серошевского
4 апреля 1896 г.

Дорогой Викентий Викентьич!

Вот я в деревне, работаю на славу, и здоровье мое поправляется на славу. Комнату мне отвели на втором этаже, окно выходит в сад, старый, помнящий еще XVII столетие! В саду еще сыро, но мелкая нежная зелень пробивается, ветки и почки стали янтарно-коричневые, начинают петь птицы и скоро обещают соловья, который здесь пропал. Ходил на охоту на вальдшнепов, ничего не убил, но зато провел чудесный вечер, полный ликующего озорного задора расцветающей весны. Чудесно. Тем не менее в груди что-то жмет. После деревенского бала, на котором я танцевал до упаду, у меня возвратился и кашель и боль в легких. Будь они прокляты, только мешают быть вполне беззаботным и тревожат моих друзей. Будьте добры, Викентий Викентьич, письмо для моей поездки в Екатеринославский рабочий округ перешлите мне сюда, я не оставлю мысли посетить эту часть России, только вижу, что в качестве рабочего об этом и мечтать нечего, так что, если можно, воспользуюсь Вашими содействием и побываю там в качестве стороннего наблюдателя. Вы, пожалуйста, сообщите, как все это сделать, где остановиться, как и прот(чее). Все это почему-то, мне кажется, Вы лучше знаете. Если бы в качестве рабочего, дело было бы для меня куда проще и знакомое, но нельзя: я окончательно тогда слягу. Оттуда я проеду, по всей вероятности, в Толстовские земледельческие колонии.²⁹

Как Ваша повесть и Ваша поездка на место фабричного врача?

Всего хорошего.

В. Серошевский.

---

²⁸ РГАЛИ, ф.1041, оп. 4, ед. хр. 367, л. 3–3 оборот – 4.

²⁹ Речь идет о земледельческих общинах, создававшихся в России, начиная в 1890-х гг., по инициативе представителей интеллигентных слоев населения в развитие учения Л. Н. Толстого в поисках идеальных форм общественного бытия. Некоторые из них в восточных областях Сибири просуществовали до середины 1930-х гг.

Warszawa, ul. Górnośląska 16³⁰

14.1.1920 г.

Глубокоуважаемый Коллега!

Вы, верно, забыли меня, а ведь когда-то проводили мы хорошо время в задушевных беседах и мечтали о том, из чего многое свершилось...

Я хорошо помню Ваше милое лицо, благородное лицо и мне хотелось бы очень поговорить с Вами сердечно о пережитом...

Меня очень интересует Россия, но доступ к ней мне закрыт...боюсь на всегда... Тем не менее я русских друзей помню и пользуюсь этим случаем, чтобы переслать Вам мой привет!

Напишите, прошу Вас, несколько слов о себе и тех общих знакомых, которые еще есть и которых уже нет.

Примите сердечное поздравление и пожелание всего хорошего...

Вацлав Серошевский³¹

---

³⁰ РГАЛИ, ф. 1041, оп. 4, ед. хр. 367, л. 6–6 оборот. Отточия в тексте сделаны Серошевским. Они зачастую присутствуют и в других известных нам письмах В. Серошевского. В данном случае они также продиктованы предусмотрительной осторожностью автора, ориентировавшегося в новой исторической ситуации, его обеспокоенностью по поводу того, чтобы излишняя откровенность не повредила адресату, и надеждой, что невольная многозначительность письма будет верно воспринята его старым другом. Сообразно новой исторической ситуации были скорректированы и его обращения к Вересаеву – в последнем письме это официальное: „Глубокоуважаемый Коллега!” Соответственно изменились надписи на конвертах: с почтовым штемпелем от 6 января 1896 г. было написано „Его высокоблагородию В. В. Смидовичу, врачу Александровской Барачной больницы, в здании больницы, Казачий Плац” (Там же, л. 2). На конверте со штемпелем 9 апреля 1896 г. – „Его превосходительству врачу В. В. Смидовичу” (Там же, л. 5). На конверте последнего письма, посланного, видимо, не по почте, а с оказией, – „Др. Вересаев-Смидович. Москва” (Там же, л. 7).

³¹ Это письмо вероятнее всего было получено Вересаевым много позднее времени его написания. Дело в том, что с осени 1918 г. по осень 1921 г. он находился в Крыму, (уезжав на три месяца, задержался там на три года, писал позднее он). Они с женой Марией Гермогеновной Смидович-Вересаевой (1875–1963, младшей сестрой вышеупомянутой Инны Гермогеновны Смидович) жили все это время в Коктебеле, где несколько ранее писатель приобрел маленький домик. Кроме того, что они страшно бедствовали, положение усугублялось неоднократной сменой властей в городе: он переходил то в руки „красных”, то в руки „белых”. Сообщение с Москвой было затруднено, соответственно и пересылка письма Серошевского оттуда в Крым также.